

Россия и "рынок".
/к методологии проблемы/

Трагические события, обрушившиеся на нашу страну в последние годы, происходили и происходят под знаком так называемого "перехода к рынку". В общественное сознание упорно и не без успеха внедряют очередной стереотип: до сих пор, по крайней мере 70 лет до победы демократии, в нашей стране не было рынка, и отсюда все наши беды, а вот в цивилизованных странах он есть, и потому они процветают; надо и нам перейти к рынку, и тогда бедная Россия разбогатеет и приобщится ко всем благам мировой цивилизации.

Манипулирование словом "рынок" облегчается тем, что оно на редкость многозначно. В обыденном и научном языке это слово имеет по крайней мере пять различных значений. Во-первых, под рынком издавна понимают место, где происходит купля-продажа (и где люди обманывают друг друга, как говорили еще древние персы, согласно Геродоту). Во-вторых, рынком называют совокупность отношений спроса и предложения определенного товара; в этом смысле говорят, например, о рынке автомобилей или о рынке рабочей силы. В-третьих, под рынком имеются в виду отношения спроса и предложения товаров на определенной территории; именно такое значение имеет термин "национальный рынок" (скажем, британский или российский). Четвертое значение слова "рынок" - сфера обращения товаров, в отличие от сферы их производства. И, наконец, в-пятых, термином "рынок" обозначают экономическую систему, в которой сфера производства регулируется через сферу обращения.

В контексте идейных дискуссий последних лет содержательно имеется в виду последнее, пятое значение слова "рынок". Но спорящие - одни намеренно, другие невольно - не отграничивают его от других значений. И это создает ложное впечатление "естественности", вечности или, по крайней мере, глубокой древности отношений, о которых идет речь. Как-никак сцены купли-продажи изображены еще на египетских фресках, которым почти 3000 лет. Тем самым задается подсознательная враждебность к коммунистам, якобы посягающим на исконную потребность общества в "рынке", а следовательно, к советскому периоду нашей истории.

Большинство людей уже в самом деле не отдадут себе отчета в том, что "рынок" в первых четырех значениях имелся в СССР на всех этапах его исторического пути. Мало кто учитывает и то, что слово "рынок" именно из-за его многозначности уже давно используется на Западе как эвфемизм непопулярного термина "капитализм". Еще Маяковский язвительно заметил: "Капитализм - изящное слово, куда изящней звучит "соловей". И вот "соловьи" перестройки и "демократии" приманили изящным словом "рынок" наших сограждан, которые в большинстве не поддались бы их пропаганде, если бы она открыто выступала за то, что несла - за капиталистическую контрреволюцию.

Обозначение капитализма этим словом-маской, помимо чисто демагогической, выполняет и более глубокую, идеологическую функцию. Оно создает впечатление, будто капитализм есть именно такое общество, которое в основном, если не всецело, регулируется "рынком" и, следовательно, развивается "естественным" путем, с минимумом насилия, обходится без "внеэкономического принуждения". А вот другие общественные системы, особенно социализм, навязываются обществу силой и потому обречены на экономическое отставание, постоянное нарушение прав человека и неизбежный крах.

В модной упаковке нам предлагают идею, которой более 200 лет: есть один-единственный строй, соответствующий "природе человека", а все остальные никуда не годятся и держатся только на насилии, обмане и на темноте нецивилизованных народов. У этой идеи есть и другая сторона: если в какой-то стране налицо "внеэкономическое принуждение", значит, она либо еще не доросла до "полноценного" капитализма, либо ушла от него куда-то в сторону, и его величество Рынок не несет никакой ответственности за подобные безобразия.

На самом же деле история "рынка" как ведущего народнохозяйственного регулятора насчитывает не более 100 лет. Это период так называемой свободной конкуренции времени первой волны промышленного переворота. "Свободная конкуренция" была не менее ограничена в пространстве, чем во времени, охватив на самом деле лишь Западную и отчасти Центральную Европу, а также Северную

Америку. Этот краткий эпизод мировой истории отнюдь не покрывает целиком даже период капитализма, хотя и занимает в нем важное место.

Промышленный переворот в "цивилизованных" странах действительно оказал сильнейшее влияние на судьбы всего человечества. Но влияние это определялось не столько "рыночными", сколько совершенно иными связями между индустриальными метрополиями и остальным миром.

Предпосылки первой волны индустриализации в значительной мере были созданы колониальной экспансией европейских стран и превращением остального мира в их зависимую периферию. Этот процесс сопровождался невиданным расцветом того самого "внеэкономического принуждения", которое идеологи капитализма приписывают всем другим общественным системам. Даже в самих метрополиях капитализм вплоть до XIX в. не обходился без насильственного разрушения общины и сгона крестьян с земли, кровавого законодательства, работных домов, принудительной контрактации и т.д. На зависимой же периферии - и в колониях, и в суверенных странах - именно запросы мирового капиталистического рынка вызвали к жизни плантационное рабство, второе (или первое) издание крепостничества и тому подобные явления, обычно записываемые на счет феодализма, восточного деспотизма и вообще докапиталистического варварства. Именно на период первой волны промышленного переворота приходится пик геноцида коренных народов Америки, Австралии и Океании, наибольший размах работорговли в Африке, колониальное порабощение Индии, опиумные войны против Китая и многое другое, далекое от либерально-рыночной идиллии, как земля от неба.

Распространено мнение, что эпоха "свободной конкуренции" характеризовалась в первую очередь интенсивным экспортом товаров из "мирового города" в "мировую деревню" и что низкие цены этих товаров подобно тяжелой артиллерии пробивали бреши во всех китайских стенах. Это правда, но не вся. Западная Европа и США продвигали на рынок товары своих капиталистов также с помощью самой натуральной тяжелой артиллерии. Без колониальных захватов, "дипломатии канонерок", насильственного устранения местных конкурентов "свободный рынок" в метрополиях не мог бы ни возникнуть, ни существовать. Капитализм формировался и развивался как глобальная система, в которой рыночное регулирование даже в период расцвета было отнюдь не единственной, а самое большее - ведущей в тот период тенденцией.

Странам, не входившим в число метрополий, сохранять политический суверенитет, как-то ограничивать эксплуатацию "цивилизованным миром" и обеспечивать развитие хозяйства удавалось лишь под руководством тех социально-политических сил, что отдавали предпочтение не частному, а государственному сектору, не рыночной стихии, а целенаправленному регулированию экономики и всей жизни страны. Только таким путем Японии удалось после революции 1868 г., буквально в последний момент, когда это было еще возможно, пробиться в замыкающийся круг метрополий. В Латинской Америке, Азии, Африке XVIII-XIX вв. было немало других попыток такого рода. Дольше других продолжались они в Южной Индии в правление Хайдара Али и Типу Султана (1761-1799 гг.), во Вьетнаме при тэйшонах (1771-1802 гг.) и отчасти в последующие два-три десятилетия, на Гаити при Туссене Лувертюре и Дессалине (1795-1806 гг.), в Египте при Мухаммеде Али (1811-1848 гг.), в Парагвае периода правления Х.Г.Франсии и Лопесов (1813-1870 гг.). Все эти попытки были силой пресечены метрополиями и их сателлитами. Так, Великобритания организовала антипарагвайскую коалицию в составе Аргентины, Бразилии и Уругвая, которые осуществили вторжение в эту страну и в ходе войны уничтожили до 80% ее населения.

Кто-то справедливо заметил, что на самом деле следует говорить не об особом русском пути, а об особом пути стран нынешнего "золотого миллиарда", представляющих собой центр капиталистической системы и мировых эксплуататоров. Наша же страна делила судьбу абсолютного большинства человечества - быть объектом эксплуатации. Почему-то у нас обычно не обращают внимания на то, что Россия, будучи империей, в то же время принадлежала к периферии капиталистического мира, и даже не к самой ближней его периферии. С XVI в. она была крупным экспортером различных видов сырья и импортером готовых промышленных изделий и технологий, отличаясь от других зависимых стран лишь своим геополитическим положением крупнейшей европейской державы. Мировой капитализм объективно нуждался в ней не только как в источнике сырья и рынке сбыта, но и как в опоре военно-политического равновесия в Европе, в силе, позволявшей своевременно отсекал крайности слева и справа. Тем самым российское самодержавие, особенно в XVIII-XIX вв., выполняло в международном масштабе одну из функций, которые в масштабе национальном выполняет капиталистическое

государство. Благодаря этой своей международной функции Россия до определенного момента имела возможность создавать и развивать армию, флот, промышленность, образование и науку европейского уровня, расплачиваясь за все это кровью своих сыновей. Таким образом создавались предпосылки минимизации зависимости и даже ее преодоления, каких не имели другие страны периферии.

Наши национал-патриоты, предъявляющие массу претензий к Петру I, не замечают, что уже в правление Софьи Алексеевны, если не раньше, для нашей страны формировалась альтернатива: либо обеспечить себе хотя бы минимум экономической, а, следовательно, и политической самостоятельности, выйдя на передовые рубежи тогдашнего научно-технического прогресса и активно включившись в становление концерта европейских держав путем ряда успешных войн, либо превратиться в полуколонию или просто в колонию (точнее, быть разделенной между несколькими метрополиями). Для реализации первого варианта необходимо было "в Европу прорубить окно". Не потому, что ранее Россия была от Европы изолирована по воле ее недалёковидных правителей, а потому, что прежде связи России и Западной Европы находились под контролем стран, претендовавших на колониальное господство над Россией, прежде всего - Швеции и Речи Посполитой. Но, чтобы в прорубленное окно не хлынула, как это происходит на наших глазах, всякая дрянь, нужен был жесткий государственный контроль над экономикой - экспортом и импортом, приглашением иностранных специалистов и подготовкой собственных, созданием внутри страны современной промышленности (в то время мануфактуры) и т.п.

Во всей последующей истории России ее успехи были тем больше, чем жестче осуществлялось централизованное регулирование экономики. Принцип "*laissez fair, laissez passer*" никогда не годился для нашей страны, хотя всегда устраивал те группы господствующего класса, которые думали не о ее будущем, а о собственном ускоренном приобщении к мировой цивилизации. Именно интересы этих групп и их зарубежных партнеров способствовали не только закреплению специализации страны на экспорте сырья, но даже превращению ее с конца XVIII в. в экспортера продовольствия, хотя природой она совершенно не приспособлена к этому, находясь почти полностью в зоне рискованного земледелия. Таким образом, "рынок" в принципе мог обеспечить только обусловленное интересами капиталистических метрополий расходование природных и людских ресурсов страны не на собственное, а на чужое развитие.

Так называемая Великая реформа открыла путь развитию свободного рынка - к счастью для всех нас, не в полной мере. Стал складываться относительно свободный рынок рабочей силы и относительно свободный агроэкспортный рынок. Результатом всех этих свобод оказался, с одной стороны, бум коррупции - невиданный в истории страны взлет взяточничества, казнокрадства и прочего, сравнимый, разве что, с нынешним. С другой стороны, экспорт сельскохозяйственной продукции с этого времени становится голодным. Как известно, в крепостной России было недоедание, но не было голода, в пореформенной же стране каждые 6-7 лет несколько губерний центральной полосы было охвачено голодом. Из сказанного не следует, конечно, что Александру II следовало сохранять крепостное право (на самом деле, его следовало отменить еще Александру I, а то и Петру III). Но нужно было жестче контролировать экономические процессы, в частности, экспорт хлеба, строительство железных дорог и развитие промышленности. Лишения, которые испытывал народ при Петре, по крайней мере обернулись усилением России. Здесь же оказалась подготовленной почва для засилья иностранного капитала во всех жизненно важных отраслях экономики страны.

Драматизм ситуации усиливался тем, что мир стоял на пороге изживания свободного рынка даже там, где он ранее существовал. На рубеже веков капитализм вступил в монополистическую стадию. Под контролем монополий оказались прежде всего сырьевые отрасли и банки, через которые в первую очередь осуществлялся контроль метрополий над странами периферии. К началу первой мировой войны три четверти банковского капитала России находилось под французским, британским, германским контролем, причем большая часть этих капиталов была вложена в промышленные синдикаты. В тех же банках была заложена большая часть помещичьих земель. На эти грозные симптомы монархия Романовых не смогла отреагировать ничем, кроме столыпинской реформы, повторившей в виде жалкого фарса "Великую реформу" Александра II. Разрушая крестьянскую общину, царизм ничем не заменил эту традиционную форму организации, представительства интересов и взаимопомощи. Не сумев даже толком организовать колонизацию свободных земель на востоке страны, самодержавие упустило последний шанс, данный ему природой и историей.

Предреволюционный бум, на который постоянно ссылаются апологеты свободного рынка, сменился бы, даже если бы не грянула война, кризисом. При существовавшем уровне привязанности экономики России к экономике Запада это было неизбежно, а избавиться от зависимости на пути капиталистического развития было практически невозможно. Например, высокие пошлины на ввоз иностранных товаров - традиционный способ поддержки отечественного производителя - с началом эпохи империализма стимулировали приток в страну иностранного капитала, а их снижение наводнило бы страну импортными товарами, по сравнению с которыми отечественные оказались бы неконкурентоспособны. Таким образом, плоды бума в любом случае пожали бы западные монополии, а издержки его пришлось бы нести России. Так случилось с другими странами - экспортерами продовольствия и сырья, центральноевропейскими и латиноамериканскими. Еще в 1928 г. они жестоко пострадали от аграрного кризиса, ставшего одним из механизмов возникновения всеобщего кризиса 1929 г. и Великой депрессии. Заметим, что сельское хозяйство Латинской Америки не оправилось от этого удара до 60-х гг.

Монопольный контроль устанавливался и над международными отношениями. Мир был почти полностью поделен на колонии и сферы влияния нескольких империалистических держав, России же как великой державе оставалось в нем все меньше места. С рубежа веков империя Романовых превращается в субимпериалистическую державу. Начиная с совместной с западными державами интервенции в Китай в 1900 г., внешняя и военная политика России все больше подчинялась интересам подлинных империалистических метрополий, прежде всего Великобритании и Франции. Если раньше страна платила кровью за место среди великих держав и относительную независимость развития, то теперь пролитая кровь только закрепляла ее зависимое положение. В годы Первой мировой войны подчинение интересам союзников по Антанте поставило Россию перед национальной катастрофой.

Все имущие классы, как отмечал В.И. Ленин, оказались так или иначе связаны с интересами империалистического капитала. Поэтому после Февральской революции ни одна партия кроме большевиков не могла позволить себе ни выйти из губительной для страны войны, ни провести аграрную реформу, ни, тем более, национализировать банки и синдикаты. Имущие классы полностью исчерпали возможности осуществлять тенденцию, хотя бы минимизирующую зависимость и обеспечивающую национальное выживание.

Большевики же смогли позволить себе не играть в "рыночные" игры, а поставить индустриализацию страны на серьезную и современную планово-регулируемую основу. Ссылка на "введение рынка" при НЭПе не выдерживает никакой критики. За годы НЭПа в стране почти не строились новые заводы или фабрики, шахты или железные дороги, лишь вводились в действие остановленные во время мировой и гражданской войн. Рыночные отношения в крестьянской стране годились для оживления экономики, сведенной почти к нулю, но совершенно не годились, как показывает вся мировая история, для решительного рывка вперед.

Стоит отметить, что практически одновременно с осуществлением наших первых пятилетних планов всему промышленно развитому Западу пришлось тоже переходить к централизованному государственному регулированию экономики в связи с отсутствием каких-либо других возможностей развивать или хотя бы поддерживать производство. Это явно показал кризис 1929 г. и последовавшая за ним Великая депрессия 30-х гг. Такие мероприятия проводили, при всем различии политических позиций, Ф.Д. Рузвельт и Л. Блюм, А. Гитлер и Б. Муссолини, Л. Карденас и Ж. Варгас, шведские социал-демократы и турецкие кемалисты.

В наше же время "рынок" как регулятор основных экономических процессов вообще имеет лишь исторический интерес. Дж. Гэлбрейт не зря писал уже довольно давно, что если человек сейчас говорит о свободном рынке, то это уже клинический случай. Согласимся с ним. Тем более, что даже механизм спроса-предложения, долженствующий регулировать производство через обращение, в наше время по существу не работает. Спрос на рынке определяется не действительными потребностями покупателей, материальными и духовными, а рекламой, навязывающей им псевдопотребности, выгодные производителям, регулирующим рынок (здесь - как сферу обращения). Одна из таких навязанных псевдопотребностей - возможно более частая смена предметов потребления, еще вполне годных, но якобы морально устаревших. Это относится практически ко всему - от платья, купленного в прошлом году, до предпоследней модели компьютера. Не случайно на цивилизованном Западе термин "общество потребления" начал сменяться термином "общество выбрасывания". А в некоторых странах

выбрасывание уже регулируют законодательно, облагая повышенным налогом производство и покупку "устаревших" моделей.

И если с конца 1970-х гг. неолибералы снова заговорили о рынке, это обусловлено не их клиническим слабоумием, а транснационализацией экономики. Смысл разговоров сводится к тому, что регулирование экономики должны осуществлять теперь не государства, а транснациональные корпорации. Термин "рынок", маскируясь под старое "laissez fair", обрел шестое значение. Под чужим флагом протаскивается новый смысл: регулирование экономики транснациональными корпорациями при запрете такого регулирования для государства, невмешательство государства не в конкурентную, а в монополизированную с головы до ног экономику.

Буквально в последние месяцы поднялся настоящий девятый вал слияний и укрупнений. В октябре прошлого года путем слияния двух банков возник крупнейший в мире Объединенный швейцарский банк, активы которого равны 699 млрд.долл. Тогда же слились американские банковские корпорации City Corp и Travellers Group, образовав вторую крупнейшую банковскую монополию - City Group с суммой активов 698 млрд.долл. За пределы не только стран, но и континентов вышло объединение ведущего германского Deutsche Bank и американского Banker's Trust, создавших транснациональную суперкорпорацию с суммой активов в 800 млрд.долл., хотя и уступающую ранее названным по другим параметрам. Не далее как 4 января 1999 г. произошло объединение крупнейшей в мире Лондонской биржи и второй в Европе - Франкфуртской. Таким образом рождается общеевропейская биржа, на которой уже совершается 60% всех торгов; о готовности присоединиться к ней заявили Амстердамская, Мадридская и Миланская биржи, за ними неизбежно последует и Парижская. Две крупнейших биржи США к 2000 г. тоже собираются объединиться между собой, а затем и с европейской биржей. В минувшем году произошло сразу два слияния крупнейших нефтяных корпораций: Exsson - с Mobil и British Petroleum- с Amoko. Из 18 крупнейших производителей вооружения в мире осталось 4, в том числе 1 производитель танков и 2 производителя самолетов. Мировое производство алмазов на 60-80% контролируется одной ТНК "Де Бирс"; даже могучий Советский Союз с 60-х гг. был вынужден заключать с ней соглашения, чтобы иметь возможность продавать свои алмазы на мировом "рынке".

Если называть рыночными отношениями конкуренцию между такими супермонополиями, то придется признать две вещи. Во-первых, "новые русские" полноправными участниками таких отношений быть не могут и никогда не смогут. До скончания века капитализма им уготована роль рыбешек, чье барахтанье на мелких местах полностью зависит от девятых валов, поднимаемых транснациональными китами. Во-вторых, как супермонополия, вроде бы сопоставимая с западными, должна выступать как минимум Россия в целом. По-настоящему же в этом качестве мог выступать и выступал Советский Союз с его единым народнохозяйственным комплексом, плановой экономикой и, между прочим, монополией внешней торговли. По всему этому его и понадобилось развалить. Сделано это было опять-таки руками той части правящих верхов, которой нет дела до страны, а есть дело только до собственного приобщения к потребительским стандартам "цивилизованных стран" и прихватизации государственной собственности. Но если некоторые из них всерьез надеялись выбиться в олигархи мирового масштаба, то они ошибались, и прошлогодний обвал финансовых пирамид Чубайса и компании наглядно показал, кто есть кто.

Следовательно, сегодня проблема "Россия и рынок" сводится к вопросу о том, кто будет регулировать российскую экономику, российское государство или транснациональные корпорации, и будет осуществляться это регулирование в интересах российского народа или опять же транснациональных корпораций и их местных клевретов.

Практическое решение этого вопроса, в свою очередь, зависит от ответа на следующий: какой сегодня или скорее завтра может быть реальная альтернатива регулированию российской (и мировой) экономики транснациональным капиталом, какие социальные и политические силы способны выдвинуть и реализовать такую альтернативу, при каких внутренних и международных условиях это возможно.

В этой связи надо сказать об опыте Китая и ряда других стран, поспешно интерпретируемом как "рыночный социализм". Понятно, что велик соблазн пропагандистского противопоставления успехов Китая и Вьетнама нынешнему упадку России. Но, отдавая должное коммунистам дальневосточных стран, надо все же помнить о принципиальных отличиях российской ситуации от условий их работы.

Прежде всего, в этих странах основные рычаги экономики остаются за государством, поэтому нельзя говорить о "рынке" как об основе экономической системы. Власть, сохраняя преемственность с революционной эпохой, при нынешней международной и внутренней ситуации вынуждена "отступать в

порядке", привлекать в экономику иностранный капитал не только как источник инвестиций и относительно новых технологий, но и просто как условие доступа своих стран на сверхмонополизированный мировой "рынок". Это означает частичное подчинение транснационально-капиталистическому регулированию при стремлении государства сохранить за собой максимум рычагов собственного регулирования экономики. В этом процессе неизбежно встанет - и уже встает в связи с нынешним азиатским кризисом - вопрос "кто кого". На этот вопрос истории еще предстоит дать ответ.

В нашей же стране этот вопрос на данный момент, к сожалению, решен в пользу контрреволюции. Чтобы иметь возможность проводить собственную политику, Россия нуждается в новой, революционной смене власти, что, учитывая место нашей страны в мире, возможно только в условиях экономических и политических кризисов мирового масштаба, неизбежно предстоящих в ближайшие десятилетия. Эти условия потребуют совершенно иных мер, нежели нынешнее безвременье.

Во-вторых, азиатские страны отличаются от нас по месту в мировом капиталистическом разделении труда и соотношению факторов производства, а соответственно и по социальным условиям. Их природные и людские ресурсы, в отличие от наших, не были истощены запоздалым промышленным переворотом, подчиненным главным образом потребностям обороны. По соотношению городского и сельского населения КНР и СРВ ближе к нэповской, чем к современной урбанизированной России, но в отличие от обеих там есть возможность промышленного развития в современных формах не только в городе, но и на селе, без стремительного перемещения миллионов крестьян в города и связанных с этим социальных проблем. Океан рабочей силы при минимальных издержках ее производства и удобстве сообщения с густонаселенными побережьями незамерзающих морей, да еще при длительной социально-политической стабильности, естественно, привлекает иностранный капитал именно в сферу производства. В России по всем этим показателям положение обратное, и она интересуется мировой капитал почти исключительно как источник сырья.

В этой ситуации нет никакого оправдания иллюзиям "рыночного" перерастания зависимого капитализма в национальный или, тем более, в социализм. Национальный капитализм ныне принадлежит прошлому. О нем можно было с большим или меньшим правом говорить во времена "свободной конкуренции" или государственно-монополистического капитализма середины XX в., но те, кто делает его своим лозунгом в наши дни, либо заблуждаются, либо пытаются выгодно сбывать доверчивым согражданам прошлогодний снег. Само существование современной буржуазии неотделимо от системы господства транснационального капитала, тем более в стране, где эта буржуазия порождена контрреволюцией, вскормленной и поддерживаемой этим транснациональным капиталом. Разумеется, между ними возникают и противоречия, но при всяком выяснении отношений обе стороны прекрасно отдают себе отчет в том, что друг без друга им не обойтись, как и в том, кто в этом "партнерстве" хозяин, а кто слуга.

Борясь за более выгодный для себя дележ прибылей, буржуазия и тяготеющее к ней "приличное общество" в целом мирятся и будут мириться с зависимым положением своей страны, так как их социальное существование обусловлено именно таким ее положением. Всякая попытка посягнуть на эту основу существующего "порядка" сразу же встречает и будет всегда встречать общий отпор империалистического "мирового сообщества" и абсолютного большинства имущей части зависимого общества. Именно эта общность их интересов, принципиальное принятие всеми ими зависимого капитализма как данности скрывается за клятвами в верности "рыночным реформам", звучащими в унисон с разных краев политического спектра.

Преодоление зависимости объективно совпадает с революцией, по своему характеру антиимпериалистической и в конечном счете социалистической. Необходимо четко отличать программу-максимум - революционную по своей сущности смену власти и строя, качественное изменение типа отношений с мировым капитализмом - от программы-минимум, рассчитанной на минимизацию последствий контрреволюции и завоевание плацдармов для будущего наступления. И в том и в другом случае необходимо ясно понять, что означает сегодня "рынок" и как следует к нему относиться. Отсутствие такого разграничения и такого понимания - одна из главных слабостей современной левой оппозиции в России.

Одно дело - меры, призванные в нынешней, далеко не революционной, ситуации смягчить последствия зависимо-капиталистической контрреволюции, по возможности сохранить потенциал будущего развития, прежде всего научно-технический. В ближайшие 10-15 лет нам, как ни печально,

никуда не деться от "рынка" в шестом его значении - от транснационального капитала, прочно привязавшего к себе страну. Нынешнее капиталистическое российское государство имеет лишь весьма относительную самостоятельность от этого "рынка", и иного от него не следует ни ожидать, ни требовать. Тем не менее, лишь использование, пусть и в этих стеснительных рамках, государственного регулирования позволит как-то ограничить катастрофические последствия "рыночных реформ".

Другое дело - теоретические представления о перспективах мирового, а следовательно, и нашего развития, которое будет определяться внутренними противоречиями капиталистической системы на ее современном, транснациональном этапе и рано или поздно придет к их революционному разрешению. Совершенно ясно, что при этом человечеству, если оно не захочет погибнуть от последствий "рыночного" разрушения природы Земли и самого человека, придется преодолеть сверхмонополизированный "рынок" и на смену ограниченной плановости в интересах меньшинства поставить развитие, сознательно направляемое на благо всех людей труда. Пытаться предвосхитить конкретные формы этой будущей плановости было бы преждевременно. Но ее необходимо постоянно иметь в виду как мировоззренческий и методологический ориентир, чтобы не дать себе утонуть в окружающей мерзости и убожестве, не сбиться с пути, ведущего в будущее.